

Василий Брусянин

В стране озёр

В стране озёр

Василий Брусянин

В стране озёр

«Public Domain»

1916

Брусянин В. В.

В стране озёр / В. В. Брусянин — «Public Domain», 1916 — (В стране озёр)

«Серые, пушистые облака низко ползли над землёю. Холодный ветер гнал их мне навстречу с далёкого севера. И плыли они в синеве неба как гигантские серые птицы, безмолвные, без взмахов больших и неподвижных крыльев. Серые тени облаков ползли по полям и по болотам с низкорослыми сосенками и точно уходили в лес, сливаясь с окраскою зеленеющей хвои. Солнце светило ярко, но холодно, и душа чувствовала эту холодность...»

Содержание

В сосновом лесу	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Василий Брусянин

В стран озёр

(Из летних скитаний по Финляндии)

В сосновом лесу

Серые, пушистые облака низко ползли над землёю. Холодный ветер гнал их мне навстречу с далёкого севера. И плыли они в синеве неба как гигантские серые птицы, безмолвные, без взмахов больших и неподвижных крыльев. Серые тени облаков ползли по полям и по болотам с низкорослыми сосенками и точно уходили в лес, сливаясь с окраскою зеленоющей хвои. Солнце светило ярко, но холодно, и душа чувствовала эту холодность...

Поезд шёл медленно, останавливаясь на дачных полустанках. Дачники раздражали меня своей суетливостью, своими пакетиками, узелками и корзинками. Посмотришь им в глаза – ни блеска, ни оживления. Прислушаешься к речи – скучные заботы о текущем дне, плоские остроуты, пошлые выводы...

Переутомлённые петербуржцы едут на дачи и везут с собою в ширь полей и под тихие навесы сосновых лесов свою скуку и мелкое довольство истекшим днём... Это – мои последние впечатления родины, похожие на бессвязные подробности скверного сна минувшей ночи.

За станцией «Белоостров» нас рассмешил юный студентик.

Когда поезд миновал мост через Сестру-реку, он вернулся с площадки вагона и, обращаясь к своим спутникам – двум дамам и господину в панаме, – сказал:

– Господа, у меня началась тоска по родине!..

Рассмеялись дамы, рассмеялся господин в панаме... рассмеялся и я, и тихую грустью отозвался этот смех у меня в груди.

Из каких-то таинственных политических и дипломатических соображений Сестру-реку не считают границей. Иронически отнёсся к своему замечанию и юный студентик, настроенный по дачному. Он и не подозревал, что там, откуда плывут серые облака, на его шутку никто не ответил бы непринуждённым смехом.

А серые облака как безмолвные птицы с неподвижными крыльями, всё ещё плыли навстречу мне.

Чтобы развеять какую-то еле уловимую грусть души, я перелистывал толстую книгу о Финляндии, и моё внимание остановило дивное стихотворение (Захария Топелиуса в переводе В. Головина).

«Все рады мы, финны, свой труд отдавать
Финляндии, матери милой;
Глубь вод её мерить и пашни пахать,
Ей быть рукодельною силой;
И верность, и честь
На службу ей несть,
Чтоб в мирном приволье могла она цвести;
Чтоб мать не нуждалась,
Жила без скорбей
И честно питалась
Работой детей.
Все рады мы, финны, свой труд отдавать

Финляндии, матери милой»...

Этим красивым гимном своей родине встретил меня престарелый поэт «страны озёр».

* * *

Я ехал в поезде, идущем в Гельсингфорс, стоял на площадке вагона и насыщал лёгкие дивным ароматом сосновых лесов.

Мне казалось почему-то, что из Петрограда я убегаю от грозного призрака чахотки. Я немного покашливал и непоколебимо верил в целебность воздуха, напоённого ароматом сосновых лесов.

Друзьям, провожавшим меня, я говорил:

– Вот увидите, на родину я вернусь без кашля, коричневым от загара, сильным и пополнившим от простокваши.

Судьба столкнула меня с единомышленником.

Это был финн лет пятидесяти, коренастый человек с копной густых волос на голове, с густыми нависшими бровями на морщинистом лице, с седыми баками как у покойного Ибсена. В глазах его мерцала угрюмая мысль; от глухого, но твёрдого голоса веяло холодом севера. Но наружность финна, а в особенности его сходство с моим любимым норвежским писателем – подкупили меня, и я ему поверил.

Как оказалось, он подслушал мой разговор с приятелями при прощании и начал свою речь без предисловия.

– Короша дача... Моя знакомая... Пишите адрес... Сосна!.. Р-ругом сосна!.. Озеро, лодка, молоко, яйца... Две комнаты, балхон...

Все эти слова он произнёс по-русски и настолько хорошо, что я его понял. Я пришёл даже в восторг, услыша два слова: «р-ругом сосна!», и стал его расспрашивать, где дача его знакомой, сколько будут стоить две комнаты и т. п. Но он уже ничего не мог сказать мне... Собственно, он говорил много и горячо, но это была уже непонятная часть его речи – смесь финских слов с искажёнными русскими. Скоро я убедился, что мой собеседник уже израсходовал весь свой запас русских слов, но ему, по-видимому, казалось, что я ещё недостаточно проникся его уверениями, и он повторял:

– Р-ругом сосна! И-и! Сосна... Озеро, сосна, лодка... Опять, сосна... Сосна и сосна... Пишите адрес...

Я записал «адрес», поблагодарил приятного человека, так же, как и я, верующего в целебность аромата сосны, и, оставив поезд на одной из станций под Выборгом, поехал искать дачу г-жи З.

При имени З. извозчик почему-то улыбнулся, и хотя не понял дальнейших моих вопросов, но всё же ответил, что поездка до озера будет стоить рубль. Слово «рубль» произнёс он весьма удовлетворительно.

На бешеной лошади мы ехали прекрасной шоссированной дорогой. Направо и налево вдоль дороги теснились ароматные сосны. Мы миновали длинную финляндскую деревушку и снова въехали в сосновый лес. У дороги – малорослые весёлые сосны; дальше на холмах зеленеют и рисуются на фоне безоблачного неба густые сосновые боры... Кругом сосна!.. Сосна и сосна!.. Я вспомнил финна, давшего мне адрес г-жи З., и мысленно пожелал ему долгой жизни. Он оказал мне величайшую услугу. Я искал отдыха и исцеления в глуши соснового леса – и вот, к моим услугам целые сосновые боры. Мы проехали около десяти километров, и чем дальше, тем гуще становятся сосновые леса. Мы минуем несколько уютных дачек у дороги, но я с неудовольствием смотрю на гуляющих под светлыми зонтиками дачниц. Особенно противными показались мне два жирных дачника, греющихся на солнышке у опушки

соснового молодняка. Около них играли в песке упитанные краснолицые дети. Я мысленно спрашивал себя: «Зачем эти жирные здоровые люди приехали сюда? От одышки и ожирения аромат сосны не помогает. Зачем же они лежат тут и крадут у природы оздоровляющую энергию?.. Чем же будем оздоравливать себя мы, слабые люди?»

Я чувствовал, как во мне крепла ненависть к толстым и здоровым людям. К счастью, сытая и резвая финская лошадка умчала меня от жирных дачников, и я ничего дерзкого не успел сказать им. Кроме того, я чувствовал, что даже и путешествие по сосновому бору на расстоянии десяти километров способно мгновенно успокоить нервы. Я ощущал благотворное влияние аромата сосны и благословлял прошлое, настоящее и будущее финна, давшего мне «адрес» г-жи З.!

Вот я доехал до её дачи. А вот и сама г-жа З. Толстая особа лет шестидесяти, седая, с широким, одутловатым лицом. Шея её жирная, в складках; глазки узенькие, заплавленные; руки загорелые, красные. И я подумал: «Как благотворно влияет аромат сосны на человека! Ужели когда-нибудь и я буду такой же жирный?.. Но тогда я уеду из этих прекрасных мест, чтобы не поглощать напрасно жизнеобновительную энергию, так необходимую ослабевшим жителям обеих столиц и всех столиц в мире»...

Дачевладелица расхваливала мне две комнатки на верхнем этаже недостроенной дачи, а сама вытирала с лица пот и, видимо, волновалась. По-русски говорила она великолепно. И это обстоятельство радовало меня. А когда я попросил г-жу З. показать мне расхваленные ею комнаты, она глубоко вздохнула, сидя в шведском кресле, и сказала:

– Не могу я пойти наверх... Сами посмотрите...

Я посмотрел на её толстые босые ноги, похожие на обрубки довольно толстых сосновых брусьев, и поверил ей: действительно ей должно быть трудно подниматься на высоту двадцати ступеней.

Комнаты мне понравились; восхитителен был и вид на озеро с высокой террасы, сквозь чащу сосновых веток. От дачи под гору вела широкая аллея, с клумбами, усыпанная ярко-красным песком. Внизу у озера виднелись постройки финской деревни: избы, сараи, бани. Дача ещё только отстраивалась. В маленькой конурке я видел плотничьи и долотные инструменты. Тут же стояли жестянки и ведра с какой-то пахучей тёмно-жёлтой краской. Это обстоятельство меня немного смутило, и я сказал г-же З.:

– А что, плотники очень рано начинают свою работу?

– Рано, – невозмутимо ответила она и потом, помолчав, прибавила, – на даче надо рано вставать и рано ложиться... Это очень здорово...

Она вкратце сообщила мне, что в юности жила в Швеции, где люди рано ложатся и рано встают, и что этот «шведский» режим куда лучше петербургского. Упомянула она также о гимнастике, о купанье и о прогулках на лодке. Выходило так, что под кровом г-жи З. всем упомянутым видам физического воздействия на организм я должен следовать неукоснительно. Я мысленно согласился с этим.

Чтобы попасть в мои комнаты, мне необходимо было втащить свои чемоданы и портпледы на высоту лестницы в двадцать ступеней. На лестнице валялись стружки, обрезки досок, опилки, обрубки. И от всего этого пахло сосной. Придерживаясь за сосновые перила, я изнемогал под тяжестью чемоданов, но всё же утешал себя: «Здесь так чудно пахнет сосной!»

На верхней площадке лестницы я остановился и готовился к дальнейшему путешествию. А оно представилось мне не лишённым препятствий и даже риска поломать ноги или расширить голову. Чтобы добраться до моих «комнат с мебелью», мне предстояло пройти через две другие комнаты без дверей и окон. В стенах зияли отверстия для будущих окон и дверей. Пола в этих комнатах также не было, а было то, что называется «чёрными» полами, т. е. был дощатый помост, залитый цементом. От одной «будущей» двери до другой были проложены не осо-

бенно широкие зыблущиеся доски. Со страхом я пробалансировал по ним, но всё же прошёл благополучно.

В моих комнатах двери и рамы белели свежей окраской и блестящими медными шпингалетами и крючками. Меблировка комнат состояла из двух больших столов, деревянной кровати, скамьи, табурета и маленького ночного столика. Мебель была сделана из хорошо выструганных сосновых досок и не окрашена. Только как-то странно не гармонировали с остальной обстановкой три ветхих венских стула с замазанными и просиженными решётками и облезлый железный умывальник, без таза и кувшина.

Разложив вещи и осмотревшись, я, к моей радости, заметил, что и стены дома сделаны из толстых сосновых брёвен: на светлых ароматных стенах висели янтарные капли смолы. Это меня восхитило до слёз. А через полчаса я убедился, что мой новенький чесучовый пиджак и летние серые брюки замазаны сосновой смолой. Вначале это обстоятельство привело меня в уныние, но потом я быстро успокоился и снова восхитился. Я стал рассматривать мебель и убедился, что и столы, и скамья, и кровать «источают» как мироточивые предметы ту же целебную смолу. И я подумал:

«Какое счастье встретить такого милого человека как старый финн, давший мне адрес г-жи З.!»

Старый финн представлялся мне даже каким-то благодетельным посланцем хмурых небес туманной страны озёр. Я вспоминал его как божество и мысленно желал ему доброго здоровья и долгих лет жизни, главное – долгих лет жизни!..

«Какая чудная страна Финляндия!» – думал я, убедившись, что и моё пальто, и шляпа, и зонт также уже успели прикоснуться к какому-то мироточивому предмету, и на них блестели янтарные капли сосновой смолы.

«Я буду писать новый роман, а стены, столы, кровать и скамья будут дышать ароматом соснового леса! Как это восхитительно! А потом и моя рукопись пропитается каплями смолы. А когда хмурый петербургский редактор будет читать моё произведение, на него пахнёт ароматом соснового леса, он непременно глубоко вздохнёт как на лоне природы, улыбнётся и благосклонно отнесётся к моей рукописи. Мой роман будет детищем соснового леса!..»

* * *

Надышавшись ароматом сосны, я, однако, почувствовал, что хочу пить и есть. Я спустился с лестницы и застал г-жу З. на прежнем месте, под тенью сосны, в шведском кресле.

Полуденное солнце палило немилосердно. Было душно, чувствовалась близость грозы, хотя на небе ни облачка. И лес стоял точно в сладкой дремоте, не напоёвая зеленеющей хвоей протяжной и однообразной мелодии, как это бывает даже при тихом ветре. Птицы тоже молчали...

Лицо г-жи З. покраснелось ещё больше. Расставив толстые ноги и сложив руки на животе, она дремала. По крайней мере мне показалось так: глаза её были полузакрыты, а около её толстых губ и мясистого носа носились докучливые мухи. Но она не дремала, и я заметил, каким пристальным взглядом она рассматривала меня. Она пила кофе. Возле неё стоял небольшой столик, на котором помещались кофейник, чашка, сливочник и белый хлеб на тарелке.

Я почему-то раскланялся и подошёл к полной даме. Она расширила глаза, спугнула с губ и носа мух, и в её взгляде я прочёл нечто холодно-вопросительное.

– Скажите, пожалуйста, – начал я, – а у вас есть прислуга, услугами которой я мог бы пользоваться?

– Прислуги не держим... Вон старик только, муж мой...

Движением головы она указала куда-то в сторону. Под навесом сарая я увидел дряхлого старика в суконном пиджаке и белых панталонах. Седая голова его была обнажена и нещадно припекалась солнцем. Старик чистил картофель, стоя на коленях у небольшой кадки.

– Муж мой – человек старый, – начала она. – Поутру будет носить воду, а может вы и сами будете брать в колодце?..

– Ну, а... самовар у вас есть?

– Самовара нет... Мы кофе пьём...

Быстро опорожнив чашку кофе, г-жа З. добавила:

– Съездите в Выборг, купите кофейник, стакан и всё, что надо... Может быть, и здесь в лавочках купите.

– Но дело-то вот в чём, – заявил я уже с большей решительностью, – пить и есть я хочу теперь... сейчас...

– А-а!.. Сейчас! – протянула она, и глаза её снова полузакрылись, а около её губ и носа опять закружились мухи.

«Чёрные мысли как мухи»¹... – почему-то промелькнули в моей памяти слова поэта. Мысли мои, действительно, были чёрные, а голод и жажда всё настойчивее и настойчивее напоминали о себе.

– Нельзя ли хотя бы купить яиц, хлеба, молока? – спросил я противную толстую женщину.

Она лениво налила в чашку кофе, отмахнула мух и сказала:

– Молоко вам будут носить крестьяне, яйца тоже... Творог есть, простокваша... В лавочке продают хлеб...

С равнодушием на лице она отрезала большой кусок белого хлеба и принялась пить кофе. Я стоял и не знал, что мне делать. А г-жа З. пережёвывала большим ртом вкусный хлеб и пила кофе. Немая сцена начала меня раздражать.

– Не хотите ли стакан кофе и хлеба? – наконец поняла она моё тайное желание и сказала это таким тоном, как будто я только что подошёл к ней.

Сильно повысив голос, она крикнула что-то старику по-фински. Тот оглянулся, с трудом поднялся с земли и потом медленно и волоча ноги подошёл к супруге.

– Это – муж мой! – сказала она.

Я поклонился, но старик даже и не взглянул на меня, хотя шепелявым голосом прошептал: «huvää räivää»². По-прежнему медленно он двинулся куда-то в куст ольшняка, и только теперь я заметил за густыми ветвями небольшой двухоконный домик с террасой.

– Стул возьмите на терра-с-а-а, – вытянула она последнюю букву.

Я перегнал медленно движущегося старика. Шаги мои напугали его, он вздрогнул и осмотрелся. Вернувшись с террасы с новеньким венским стулом, я поместился против холодно-любезной хозяйки и ждал, – нетерпеливо ждал хлеба и кофе. Минуты через три старик принёс, наконец, стакан, а ещё через минуту я уже пил кофе с хлебом.

Моя избавительница молчала и сидела с прищуренными глазами. Я начал банальный разговор вновь прибывшего дачника: расхваливал сосновый лес, говорил о чистоте воздуха, прославлял хорошую погоду. Г-жа З. пожаловалась на жару и почему-то добавила:

– Хозяйство у нас маленькое... Печку не топим... Пьём кофе...

Потом я, действительно, убедился, что супружеская чета З. пьёт кофе весь день: утром, в часы завтрака, обеда и ужина и даже поздно ночью. Иногда свой стол они разнообразят яичницей, ветчиной и простоквашей.

¹ А. Н. Апухтин «Мухи».

² здравствуй – фин.

Потом она спросила меня, женат ли я, и какова моя профессия. Моя профессия её, по-видимому, с чем-то примирила или заставила переменить на меня точку зрения. Выслушав о моём намерении засесть за роман в глуши Финляндии, она даже повеселела и поспешила сообщить, что русская интеллигенция вообще ей нравится, но русский народ...

И потом она с негодованием рассказала, что «русские мужики» продают в Финляндии водку, делают это потихоньку, и пьянство среди финнов разрастается. О дачниках она отозвалась пренебрежительно. Из дальнейшей беседы я узнал краткую биографию г-жи З. Родилась она в Швеции, где и училась. Выйдя замуж за г-на З., специалиста по шлифовке гранита и мрамора, переселилась в Петербург, где и прожила тридцать восемь лет. За эти годы она так много накопила ненависти к русским, что оставила Россию без всякого сожаления. Муж разделял чувства своей супруги, и они порешили умереть в Финляндии, купили участок земли и занялись постройкой дач. О Швеции г-жа З. говорила с особенной теплотой и даже заявила мне, что на предстоящих выборах в депутаты сейма она, быть может, примкнёт к партии шведоманов.

– Вы будете участвовать в выборах? – неожиданно для себя спросил я.

Признаюсь, я не сразу осилил мысль, что г-жа З., эта растолстевшая особа, могла ещё вмещать в своё грузное тело стремление к политической деятельности. Гордо окинув меня взглядом, она ответила:

– А как же!.. – и добавила. – У нас в Финляндии и женщины голосуют!..

Разговор о Государственной думе г-жа З. поддерживала неохотно. Вообще заметно было, что она весьма слабо интересуется всем русским и, кроме негодования на русских, накопившегося за все тридцать восемь лет, ничего из России не вывезла.

Исчерпав политическую тему, мы помолчали. Голод и жажда плохо утолились стаканом кофе и куском хлеба. Я снова свёл разговор на материальную тему и попросил г-жу З. посоветовать мне, как устроиться с обедом. Она сказала:

– В деревне живёт г-жа Р.... Я пошлю к вам её вечером...

* * *

Что-то надломленное, больное и жалкое было во всей фигуре старика З. Следы его тяжёлой, изнурительной профессии, казалось, навсегда отложились на нём печатью истощения, надломленности и покорного безволия. Тридцать лет он был простым каменотёсом и только к старости счастье ему улыбнулось: он достиг высших степеней в своей профессии и сделался шлифовальщиком. Но и в этот счастливый период его поджидали новые профессиональные болезни: гранитная и мраморная пыль, достаточно насытившая его лёгкие за предыдущие годы, теперь не пощадила его глаз. Он всегда как-то тихо и скрипуче покашливал и жаловался на болезнь глаз. Годы дополнили недомогания, и он стал «туг на ухо». Все свои болезни он характеризовал какими-то двумя финскими словами, смысла которых я так и не мог выяснить ни в беседах с переводчиками, ни в лексиконе. Весьма возможно, что эти слова – какая-нибудь финская пословица или поговорка. Они так и остались для меня тайной и как будто символизировали собою тайники душевной жизни старика, безропотного раба своей супруги.

Помнится, это было в первый день моего пребывания в недостроенной даче г-жи З.

Я счищал с платья янтарный капли сосновой смолы и услышал скрип ступеней лестницы. Меня привёл в недоумение этот скрип. Я слышал шаги человека, тяжёлое дыхание и какое-то скрипучее кряхтение. Человек этот поднимался по лестнице и точно нёс на себе непосильную тяжесть. Я вышел, чтобы посмотреть, что делается на лестнице, и увидел старика.

Медленно переступая со ступеньки на ступеньку, он втаскивал на лестницу ведро воды и при этом отдыхал на каждой ступени, держась руками за перила, обливаясь потом, тяжело дыша, покашливая и кряхтя. Бывший каменотёс, ворочавший когда-то тяжёлые гранитные и мраморные глыбы, теперь изнемогал под тяжестью ведра с водою! Я спустился с площадки,

взял у старика ведро с водою, а он как-то странно посмотрел на меня и при этом что-то прошептал. В этот момент я впервые услышал и те два таинственных слова. Он даже улыбнулся и грузно опустился на лестницу.

Вернувшись с пустым ведром, я попросил старика приносить мне воду только до первой ступени лестницы, обещая ему, что наверх я буду вносить ведро сам. Впоследствии я отказался и от этой услуги бессильного дачевладельца и ходил к колодцу сам.

– Нуvin! Нуvin!³ – прошептал он тихим и каким-то точно трясущимися голосом и сказал ещё какую-то фразу, из которой я уловил только несколько слов: heikko⁴ и kehnosti⁵.

И я опять услышал те два таинственных слова.

Со стариком мы сошлись и познакомились скорее, нежели с его супругой. Он недурно говорил по-русски и хотя и переполнял свои фразы финскими словами, всё же я понимал его речь. Заметил я только одну странность: старик совсем не говорил со мною в присутствии супруги. Потом я узнал от г-жи Р., что г-жа З. вообще запрещает супругу пускаться в разговоры с русскими.

Но, несмотря на это запрещение, мы всё же часто беседовали с ним. О себе он избегал говорить и только однажды пожаловался на жену, назвав её жадной женщиной. Как оказалось потом, г-жа З. копила деньги на поездку в Швецию и избегала расходов, без которых можно обойтись. С этой целью она не держала прислуги, пользуясь услугами мужа, скудно питалась, держала впроголодь старика и даже целыми неделями не сменяла белья и платья, лишь бы избежать расходов. Я не знаю, как это мирилось с теориями шведского воспитания и заморской гигиеной, о которой г-жа З. всегда говорила так много.

Как-то раз я сказал г-же З.:

– Ваш муж очень стар, ему трудно работать...

Она внимательно посмотрела в мою сторону и сказала:

– Умирать мы сюда приехали... Какая же работа!?. Ему семьдесят три года...

– Тем более! Отчего бы вам не нанять прислуги!?

Я потом очень сожалел об этой нечаянно сорвавшейся с языка фразе: она разбила мою хозяйку.

– Уж извините! – прошептала она, разводя руками и сверкнув глазами. – В моём хозяйстве мне советов не надо.

Она прикусила губы и отвернулась. Я сконфуженно молчал.

– Мы всю жизнь сами на себя работали и прислуги не держали, – продолжала она, но уже тоном примирения. – И вам бы, молодой человек, надо так же жить... А вы вот приехали – и сейчас вам подавай прислугу...

Это замечание показалось мне не лишённым оригинальности, и я принялся уверять г-жу З., что охотно буду делать всё для себя сам, без помощи прислуги. Моё решение, по-видимому, понравилось моей собеседнице, и она сказала:

– Работать очень полезно, здорово... Не стыдитесь ни заступа, ни топора. Без заступа могилы не выроешь, без топора – гроба не сколотишь!..

Афоризм г-жи З. понравился мне, и я ещё раз уверил её в своей готовности к физическому труду. Она улыбнулась и сказала:

– У меня вон огород есть... Поливайте утром и вечером... Дорожки в саду делайте, сучья собирайте в лесу...

С этого дня я приступил к поливке огородов, до обеда ходил по лесу и собирал сучья и валежник. Однажды принёс даже большую сухую ольшину, вывороченную с корнем, и тем

³ Хорошо! Хорошо! – фин.

⁴ слабый – фин.

⁵ худо – фин.

окончательно завоевал симпатии дачевладельцы. В белые ночи, когда дневная жара спадала, я снимал в саду дёрн для будущих дорожек, а г-жа З. давала мне указания и при этом всегда добавляла:

– Работать очень полезно... Работать очень полезно.

* * *

Вечером, при закате солнца первого дня пребывания моего в сосновом лесу, ко мне пришла г-жа Р. Это была ещё нестарая женщина, с умными серыми глазами и открытым лицом. Одета она была в бумазейное платье и тёмный жакет. Волосы её были гладко зачёсаны, обрамляя крутой лоб. Глядела она внимательно, и зоркие глаза её мгновеньями загорались. Говорила она тихим вкрадчивым голосом и как-то особенно подчёркивала последние слова фраз, как будто желая придать своей речи бо?льшую убедительность.

Постучавши в дверь, она вошла только после того, как я сказал: «Пожалуйста!» Она вошла медленно, представилась мне и осмотрелась по сторонам.

– Г-жа З. говорила, что вы хотите иметь обед?

Я попросил её сесть. Она медленно опустилась на стул, облокотилась локтем в край стула и в ту же секунду отдёрнула руку. Но, увы! Рукав её жакета и рука были уже замазаны смолою.

– Ах, Господи! Смола! – воскликнула она. – Новый стол!

Она сняла с рукава каплю смолы, замазала пальцы и, вынув платок, принялась стирать смолу с руки и с рукава.

При появлении г-жи Р. я стал испытывать какую-то особенную неловкость. Я не знал, как держать себя с нею, а она так пристально всматривалась в меня серыми умными глазами. Моя гостья, между тем, продолжала:

– Только... я должна вас предупредить, что я... что у меня стол вегетарианский... Я, по убеждению, не могу убивать животных...

– Вегетарианский?! – воскликнул я в ужасе.

– Да... Кушанье из молока, яиц... Ну, иногда рыбы... Я могу разрешить себе... Мой муж на воскресенье приезжает из Петербурга, рыбу ловит...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.